

Бандеркони
Анфиса Сабит

Анфиса Сабит Бандеркони

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68905059

SelfPub; 2023

Аннотация

Короткий рассказ об одном дне австралийской овчарки, которая живет вместе с котом.

Анфиса Сабит Бандеркони

Самолет быстро набирал высоту, подпрыгивая на невидимых воздушных кочках, словно на облаках тоже кто-то распилил бюджет, и денег не хватило на то, чтобы положить качественную дорогу.

Плотная молочная субстанция осталась под самолетом, и в иллюминатор нахально запрыгивали солнечные лучи, ослепляя надумавших выглянуть пассажиров.

Однородность пейзажа, напоминающая шерсть плотно стоящих к друг другу миллионов белых овец, создавала иллюзию, что самолет просто висит на одном месте.

Эти бесконечные кучерявые барханы облаков переливались на гребнях мягким медным цветом от светящего солнца, которое само почему-то было холодным и белым.

Там, под облаками, в маленькой квартире остались кот-старичок и собака, австралийская овчарка, возраста такого, что лишней раз под хвостом другого не понюхает, но в хорошей компании еще может завести игру, периодически припадая грудью к земле и весело погавкивая, зазывая визави бросится за ней вдогонку. Кота звали Антонио Бандерос, он же Антоха, он же Картишэк. Собаку звали Конкордия, она же Кони, она же Солнышка, она же «Анубросьчтотамжрешь».

После ухода мамы Кони, как обычно, постояла секунд

тридцать, прислушиваясь к шуму за дверью, а потом легла, положив морду на лапки, задумавшись о том, будут ли они вечером искать корицу.

Не понятно, как мама умудрялась постоянно забывать, куда она в последний раз положила то баночку с запахом корицы, то салфеточку, то маленькую коробочку. Но каждый раз, когда Кони находила пропажу, мама ужасно радовалась и хвалила ее, и давала сушеные легкие. Поэтому Кони была только рада этой маминой забывчивости. Главное, чтобы болезнь не мешала ей помнить давать вкусняшки каждый раз.

Веки периодически закрывались и открывались, а потом совсем отяжелели, и Кони повернулась на бок и заснула. Лапки побежали во сне быстрой рысью. Какие-то сны, снявшиеся ей с самого детства, заставляли иногда тихонько рвать, иногда скулить и сопеть.

Кони не запомнила сны, не помнила, что заставляло ее жалобно завывать, да так, что мама даже среди ночи прибежала, тихонько гладила по плечу, говорила: «Все хорошо, Кони, все хорошо. Мама рядом» и потом нежно целовала в мокрый нос. Тот самый нос, который выходя на улицу становился лучшим в мире анализатором, улавливающим запах столетнего заскорузлого хлеба, не интересующего даже парковых уток. Тот самый нос, который на улице лез в самые антисанитарные места, собирая всевозможные микробы и инфекции.

Когда Кони открыла глаза, в квартире было уже темно.

Бандерос тыкался в свою миску на столе и уронил наконец на пол. Кони вскочила и побежала перехватить упавшее мясо, пока мама не скажет «нельзя», облизала тщательно кошачью миску, и вспомнила, что мамы нет дома.

В животе уже начинал разыгрываться голодный оркестр на расстроенных музыкальных инструментах, издавая нестройные урчания.

Кони подошла к двери, прислушалась, и не услышав ничего такого, что можно было бы предупредить строгим лаем, легла впритык к порогу, чтобы встретить маму первой.

За дверью все чаще забегал лифт, слышались шаги, голоса, но дверь не открывалась.

Оркестранты в животе заиграли громче и требовательнее. Невыносимо хотелось писать.

Кони понюхала мешок с кормом, который раньше стоял за дверью в комнате, а сейчас перекочевал на кухню.

Что же делать воспитанной собаке: в квартире не пописаешь, совесть так строго следит, что мышцы не расслабляются.

Попробовать открыть носом мешок с кормом: вроде тоже воспитание не позволяет.

Бандерос, видимо, тоже проголодался, медленно встал с кухонного полотенца, который он приспособил себе вместо лежака, мягко спрыгнул на пол, прошел, ласкаясь о передние лапки Кони, и начал царапать дверь в комнату, требуя не понятно от кого еды в квартире, где их было всего двое.

Кони надоело наблюдать этот бессмысленный одиночный пикет кота, и она привычным движением толкнула Бандероса под живот. Бандерос отлетел от тычка немного вверх и в сторону, но обижаться не стал, а ушел опять на кухню.

Где-то через час близко за дверью послышался шум, потом металлические язычки внутри замка пару раз цокнули от вращения ключа.

Кони, не почувствовала запах мамы: кто-то чужой проби-рался в квартиру.

Когда в просвете появились фигура чужого мужика, Кони резко залаяла, встав смело на защиту кота, мешка с кормом и чего-нибудь еще.